

Жизнь
Пушкина

Последний
год
Пушкина

Карамзины,
дуэль, гибель

Коллектив авторов
Арсений Александрович Замостьянов
Последний год Пушкина.
Карамзины, дуэль, гибель
Серия «Жизнь Пушкина»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70289092

*Последний год Пушкина. Карамзины, дуэль, гибель / составитель А.
Замостьянов: ООО «Издательство Родина»; Москва; 2023
ISBN 978-5-00222-193-6*

Аннотация

Как провел Пушкин последний год жизни, приведший его к гибели? Был ли у него шанс избежать дуэли? Кто был виновником трагедии? Как общество отнеслось к потере великого поэта? На эти вопросы отвечает новая сенсационная книга, основанная на документах, на признательных показаниях современников. Попытаемся разгадать великую тайну прошлого.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Потух огонь на алтаре...	5
Екатерина Андреевна, Софья Николаевна, Александр Николаевич и Андрей Николаевич Карамзины	29
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Арсений Замостьянов
Последний год Пушкина.
Карамзины, дуэль, гибель

© Замостьянов А., составитель, 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Потух огонь на алтаре...

Собираем теперь что каждый из нас видел и слышал, чтобы составить полное описание, засвидетельствованное нами и докторами. Пушкин принадлежит не одним близким друзьям, но и отечеству, и истории. Надобно, чтобы память о нем сохранилась в чистоте и целостности истины. Но и из сказанного здесь мною ты можешь видеть, в каких чувствах, в каком расположении ума и сердца своего кончил жизнь Пушкин. Дай Бог нам каждому подобную кончину.

П.А. Вяземский

Василий Тропинин. Портрет Александра Пушкина

Через почти два века мы знаем о самой известной русской

дуэли гораздо больше, чем это нужно для «полной ясности». История последних месяцев жизни Александра Сергеевича Пушкина, хроника его гибели – самый мрачный из русских романов. В нём – и предательство, и коварство, и любовь. Ощущение тупика, травля человека, о котором и двести лет спустя говорят, почти не преувеличивая: «Пушкин – наше всё». Воронка, которая затягивала его в течение нескольких месяцев, почти без надежды на спасение. Михаил Лермонтов в стихотворении, полном отчаяния, назвал погибшего поэта «невольником чести», а о виновников убийства напел туманно: «Вы, жадною толпой стоящие у трона...». На кого он намекал? За прошедшие 180 лет возникло столько версий и трактовок пушкинской дуэли, что в них можно найти ответ на любой вопрос. Но тут же возникнут новые... Хроника событий известна «не по дням, а по часам», но загадок от этого не становится меньше.

Светская вражда

4 ноября 1836 года в петербургский дом Александра Пушкина пришло такое письмо: «Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д.Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Сергеевича Пушкина коадьютором великого магистра орде-

на Рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф И. Борх». В те времена существовала такая гвардейская забава – рассылать конфузные, издевательские письма обманутым мужьям и их друзьям. Вот и пушкинский «диплом» направили сразу по нескольким адресам, добиваясь максимальной огласки... Вяземские вскрыли письмо, прочитали и уничтожили. Елизавета Хитрово, дочь фельдмаршала Кутузова, сразу переслала письмо Пушкину, чтобы не расширять цепочку посвященных... Литератор граф Владимир Соллогуб тоже не стал вскрывать – в тревоге лично отправился к Пушкину на Мойку. Композитор Михаил Виельгорский отослал сомнительный пакет жандармам.

Диплом ордена рогоносцев выглядел как открытое оскорбление, потому что в свете давно судачили о том, что поручик Конногвардейского полка Жорж Дантес волочится за Натали Пушкиной. А тут ещё и намёк на Дмитрия Нарышкина, который сквозь пальцы смотрел на долгий роман его супруги с императором Александром I. В подтексте – особые знаки внимания, которыми удостаивал Наталью Николаевну император Николай I. Прочитав «диплом», Пушкин, по свидетельству Петра Вяземского, объяснился с женой, после чего послал Геккеренам вызов. Безоговорочно верить Вяземскому нельзя: возможно, никакого объяснения супругов в тот день не было. Более интересны воспоминания Соллогуба: несколько позже он зашёл к Пушкину с нераспечатанным конвертом. «Я уж знаю, что такое; я такое письмо получил

сегодня же от Елисаветы Михайловны Хитровой: это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безымянным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое». Эта фраза – демонстрация самообладания. Пушкин уже готовился к поединку, в котором Соллогуб согласился исполнять обязанности секунданта. «Чем кровавее, тем лучше», – наставлял поэт графа, продумывавшего условия поединка.

После этого пасквиля дуэль стала неизбежной. Пушкин открыто обвинил в подлой интриге Луи ван Геккерена де Беверваарда – голландского посланника, который был приемным отцом Дантеса. Баронский титул Геккерен получил от Наполеона, в 1813-м, когда Россия вела войну с французами. А потом много лет служил в Петербурге, и в России, несмотря на скверную репутацию, превратился в состоятельного господина. Мог ли он составить «диплом ордена Рогоносцев»? Трудно подозревать 45-летнего (в понятиях того времени – пожилого) дипломата в склонности к пустому озорству, а прагматических резонов обострять ситуацию у него не было. Сам он от дуэли уклонялся, за него (и за себя тоже, конечно) дрался обожаемый приёмный сын. Когда Пушкин вызвал Дантеса на дуэль – Геккерен сделал всё для того, чтобы спасти приемного сына от поединка. Именно он уговорил Пушкина отложить дуэль на две недели. Причём, через неделю поручик сделал предложение Екатерине Гон-

чаровой – сестре Натали и свояченице Пушкина. Они поспешно обвенчались. Традиции не позволяли стреляться с родственниками – и Пушкин отменил вызов.

В одном из писем отцу он нарисовал вполне идиллическую картинку: «Моя свояченица Екатерина выходит за барона Геккерна, племянника и приемного сына посланника Голландского короля. Это очень красивый и славный малый (*un tres beau et bon garcon*), он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной». Вроде бы, страсти улеглись. Впрочем, у поэта не сложились доверительные отношения с родителем. И всё-таки можно полагать, что он готов был примириться с новым родственником. Но... Дантес постоянно попадался на глаза Пушкину и, кажется, искал встреч с Натали. Ситуация стала нестерпимой.

Сам император с ноября несколько раз демонстрировал желание уладить семейные дела своего камер-юнкера. Даже брал с него слово не доводить дело до дуэли. Да и Наталье Николаевне советовал быть осторожнее, беречь свою репутацию, помня о ревнивом нраве супруга... Трактовать эти диалоги можно двусмысленно – вплоть до скрытого поединка между «поэтом и царём».

В дневнике фрейлины Марии Мердер (она была дочерью Карла Мердера, воспитателя будущего императора Александра II) запечатлена картина тех дней: «В мрачном молчании я восхищенно любовалась г-жой Пушкиной. Какое восхитительное создание! Д'Антес провел часть вечера непо-

далеку от меня. – Минуту спустя я заметила проходившего Пушкина (стоит только на него взглянуть, чтобы убедиться, что он ревнив, как дьявол). Какое чудовище! я подумала: если бы можно было соединить г-жу Пушкину с Дантесом, какая прелестная вышла бы пара!». Простудировав такие свидетельства, нам легче понять природу ненависти Пушкина к заезжому кавалергарду. Свет предпочитал молодых обольстителей «умнейшему человеку в России». Два обстоятельства вынудили поэта снова объявить войну Геккеренам. Первое – интрига Идалии Полетики, которая устроила в своём доме встречу Дантеса с Натальей Николаевной. Второе – запущенный кем-то слух о романтическом приключении «рогоносца» с Александриной Гончаровой. Пушкин не сомневался: это Геккерены.

«Пружина чести, наш кумир...»

«О том, что было причиной этой кровавой и страшной развязки, говорить нечего. Многое осталось в этом деле тёмным и таинственным для нас самих... Пушкина в гроб положили и зарезали жену его городские сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургских салонов, безымянные письма», – писал Пётр Вяземский. Точнее не скажешь. Столичный высший свет показал себя в этой истории во всей красе, а тайны до сих пор не разгаданы.

Пушкин умело скрывал бурю, которая разразилась в его

душе. «Я видел Пушкина (26-го янв.) на бале у гр. Разумовской, (тогда же) провел с ним часть утра; видел его веселого, полного жизни, без малейших признаков задумчивости; мы долго разговаривали о многом, и он шутил и смеялся. (В два предшествующие дня) также провел с ним большую часть утра; мы читали бумаги, кои готовил он для пятой книжки своего журнала. Каждый вечер видал я его и на балах спокойного и веселого», – вспоминал Александр Тургенев сразу после дуэли.

Последнее в своей жизни письмо поэт написал Александре Ишимовой, детской писательнице, которая занималась переводами для журнала «Современника», а прославилась тем, что умело пересказала историю России для детей. «Сегодня я нечаянно открыл Вашу „Историю в рассказах“ и поневоле зачитался», – велика вероятность, что детская «История» Ишимовой (а точнее – её первая часть) оказалась последней книгой, которую прочитал или пролистал Пушкин. Перевернул страницу – и поехал на Невский. Там, в кондитерской Вольфа и Беранже, он встретился с лицейским товарищем Константином Данзасом. Последний, рискуя военной карьерой, согласился стать секундантом старинного друга...

Дальше – Чёрная Речка, безукоризненно сдержанное поведение противников и растерянность секундантов. Двадцать шагов друг от друга (у Онегина и Ленского было 32!), пять шагов – до барьера. Данзас махнул шляпой – и они начали сходиться.

Француз выстрелил первым. Пуля глубоко вошла в живот. Пушкин лежал на снегу, но собрал все силы и нажал на курок. Точный выстрел! Дантес упал на снег. Но оказалось, что он отделался легкой контузией и ранением в руку. Кавалергард уверял, что его спасла пуговица. Вот тут начинаются сомнения и догадки, к которым мы ещё вернёмся... Старый Геккерен прислал к Комендантской даче карету. В ней Пушкина и повезли домой, по шатким дорогам. Лучшие петербургские медики, включая Владимира Даля, не смогли помочь. Жуковский, убитый смертью собрата, написал мемориальное стихотворение, в котором попытался поговорить с Пушкиным как с живым:

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза...

Возвышенно. Но в свете гибель Пушкина воспринимали примерно так: «Ссора длилась долго, и история ее очень сложная. Пушкин оставляет 4 детей, из которых старшему нет 5 лет! Литература также несет б[ольш]ую потерю. Когда его ревность вспыхнула в 1-й раз, он был совсем ошеломлен, узнав о своем сопернике, что вместо того, чтобы думать о его жене, он в течение года был влюблен в ее сестру, девицу Гончарову. Пушкин сказал, что они будут помолвлены тотчас же. Тем не менее, он не хотел его принимать, пока

он был женихом, и не присутствовал на свадьбе, на которую он позволил, однако, своей жене явиться едва 3 недели тому назад... Но несчастный страстный характер покойного привел к тому, что он не мог перенести толков, которые ходили обо всем этом, и которые привели к вызову с его стороны и к катастрофе, которая за этим последовала», – рассуждала в частном письме Александра Дурново. Многие говорили о несносном «негритянском» темпераменте Пушкина.

Император в письме сестре Марии Павловне демонстрировал недоумение: «Вина (Дантеса – прим.) была в том, что он, в числе многих других, находил жену Пушкина прекрасной, при том что она была решительно ни в чем не виновата». Комментаторы, негативно настроенные по отношению к Николаю, трактуют эти слова как лицемерную попытку отвлечь внимание публики от собственного участия в амурном многоугольнике.

В официальных документах погибшего величали «титularным советником и камер-юнкером 9-го класса», а литературные заслуги считались чем-то второстепенным, эдаким очаровательным увлечением. Но это уже выглядело анахронизмом. Многим современникам была очевидна великая роль Пушкина в развитии культуры, в истории русского языка, в народном самосознании. Чины и титулы не имеют значения, когда речь идёт о Пушкине.

Александр Никитенко – цензор, человек трезвого, прагматического ума, судил о Пушкине далеко не восторженно.

Тем ценнее его дневниковые записи о том, в какой атмосфере проходило то зимнее прощание: «Похороны Пушкина. Это были действительно народные похороны. Все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, – все стеклось к церкви, где отпевали поэта... Тут же, по обыкновению, были и нелепейшие распоряжения. Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе, – так было означено и на билетах, а между тем тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви. В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях».

Убит на взлёте?

В последние годы Пушкина всё сильнее влекла история. За месяц до его гибели в «Современнике» вышла в свет «Капитанская дочка» – повесть о временах Пугачёвского восстания. Несколько лет Пушкин работал над «Историей Петра I», которая так и осталась незавершённой. Он надеялся засесть за работу, переехав из суматошной столицы в Михайловское – семейные узы не отпускали. «В Пушкине есть верное понимание истории... принадлежностями ума его были: ясность, пронизательность и трезвость. Он не писал бы картин по мерке и объёму рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки для удобного вложения

в них событий и лиц, предстоящих изображению», – полагал Вяземский. То есть, «лета к суровой прозе клонили» – и Пушкин становился не только первооткрывателем русской прозы, но и незаурядным историком.

Памятник на месте дуэли поэта на Чёрной речке

Последние строки поэта – всегда загадка. Пушкинским завещанием считается «Памятник». И верно. Это было продуманное послание потомкам, которое он сочинил в промозглые, кризисные дни, когда верить в себя было трудно. Ну, а самый последний поэтический набросок Пушкина не столь монументален:

Забыв и рошу, и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

Но в этом немудрёном отрывке каждое слово – истинно пушкинское: светлая печаль, печальная ирония и – «живая песня» накануне гибели.

Следствие ведут пушкинисты

Постепенно к Пушкину стали относиться как к некоему божеству, одержимому творческими идеями. А современники – в том числе и младшие – нередко трактовали преддурную расстановку сил без пиетета перед гением. «Жалкая репетиция Онегина и Ленского, жалкий и слишком ранний конец. Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось и что ему хотелось рискнуть жизнью, чтобы разом от нее отде-

латься или ее возобновить», – рассуждал начинающий мудрец Алексей Хомяков. Так в нашем расследовании возник суицидальный мотив картели.

Кроме ревности, есть в этой истории и другой мотив – творческий и финансовый кризис, в который вроде бы погрузился Пушкин с 1835 года. Поэт потерял читательское расположение, во многом – вышел из моды. Он опережал время, лучшие его произведения (например, трагедия «Борис Годунов») остались, по большому счету, непонятыми. Много не удавалось опубликовать из-за «богомольной важной дуры, слишком чопорной цензуры». Вдохновение слетало к нему реже, чем в первой молодости, зато всё написанное в последние годы – сплошь шедевры.

К концу жизни Пушкин тонул в баснословных долгах. Тираж «Истории Пугачёвского бунта» раскупали крайне медленно. А Пушкин в надежде на читательский успех не только получил для этого предприятия казенный займ, но и вложил собственные средства. По оценке «Опеки над детьми и имуществом Пушкина», он остался должен казне 43 333 рублей, а частным лицам – 92 500. Служебное жалование поэта составляло 5 тысяч рублей в год, на оплату квартиры на Мойке уходило 4 с половиной тысячи... Правда, «казённый» долг можно было воспринимать как своего рода субсидию, которую царь предоставлял своему историографу. Но подводить приятелей Пушкин не собирался и к частным долгам относился серьезно.

Можно ли назвать такое положение дел тупиковым? Во-первых, в те времена в долг жили многие – по меньшей мере, десятки столичных семей и повес из числа самых знатных. Во-вторых, у Пушкина оставались возможности, чтобы поправить дела. И дело не только в имениях. Вскоре после гибели поэта вышло в свет первое его многотомное собрание сочинений. Тираж – 13 000. К осени 1838 года подписка принесла 262 000 рублей дохода. Эта сумма значительно превышает все долги поэта. Вот вам и банкрот. И всё-таки, многие исследователи называют отчаяние Пушкина скрытой причиной дуэли...

Самую сдержанную и уклончивую версию последних месяцев жизни Пушкина набросал его первый биограф – Павел Анненков. Его труд – основа всей биографической пушкинистики. В начале 1850-х Анненков составил «Материалы к биографии А.С.Пушкина», изучил рукописи, переписку, архивы прессы, воспоминания, которые собирал по крупицам. О дуэли и гибели Пушкина написал бегло и туманно, в духе сентиментальных повестей. «Энергия, неутомимость и сосредоточенный в себе гнев, с какими выступил он против первых легкомысленных проявлений злоречия, уже предвещали неминуемую катастрофу. С ходом всего дела Пушкин воспламенялся все более и, наконец, ослепленный гневом и негодованием, сделался жертвой столько же чужого легкомыслия, сколько и своего огненного, неукротимого характера». Никаких фактов, версий. Даже старшего Геккерена Ан-

ненков не решился упомянуть. Судя по переписке с Иваном Тургеневым, Анненкову хотелось, по крайней мере, заклеить позором светское общество, но он не решился на такое и через два десятилетия после событий не решился. Получилось куце. Просто – погиб поэт. А был ли он невольником чести – непонятно. А ведь Анненков записал воспоминания Соллогуба, который, будучи непосредственным участником событий, рассказывал о самых разных кривотолках, сопровождавших дуэль Пушкина, о тайных пружинах.

Из самых устойчивых слухов достаточно вспомнить о «кольчужке Дантеса». Дуэлянты не имели право защищаться доспехами. По правилам, секунданты должны были до первого выстрела проверить одеяние противников. Но, как это часто бывало, секунданты у Чёрной речки не стали ощупывать поединщиков. Пушкин стрелял в Дантеса с близкого расстояния, попал в грудь. Француз упал, но остался почти невредимым. Разговоры о спасительной пуговице, по мнению скептиков, необедительны.

Пушкинист Арнольд Гессен считал, что Геккерены основательно подготовились даже не к дуэли, а к убийству Пушкина: «Лишь страстное желание спасти Дантеса от пули могло побудить Геккерена после получения им резкого и до крайности оскорбительного содержания письма Пушкина обратиться к нему с просьбой о двухнедельной отсрочке дуэли: ему, видимо, нужно было выиграть время, чтобы заказать и получить для Дантеса панцирь». Пушкинистика всегда во

многим была детективным направлением, но тут уж точно потребовался Шерлок Холмс. Криминалисты говорят разное, находили даже оружейников, которые могли бы выполнить тайный заказ Геккерена, но приведём и довод в защиту Дантеса: если бы пуля попала в панцирь – расколотые железные звенья нанесли бы ему сильное ранение в грудь. Врач, осматривавший француза, таких показаний не дал.

Конспирологические версии вокруг пушкинской дуэли стали возникать сразу после выстрелов на Чёрной речке. Одну из них эмоционально и сбивчиво сформулировал Лермонтов: поэт пал жертвой заговора. Борис Башилов – публицист, близкий к Ивану Солоневичу, в середине XX века подвел итоги этим соображениям: «Со смертью Пушкина Россия потеряла духовного вождя, который мог бы увести ее с навязанного Петром I ложного пути подражания европейской культуре. Но Пушкин был намеренно убит врагами того национального направления, которое он выражал, и после его смерти, – на смену запрещенному масонству поднялся его духовный отпрыск – Орден Русской Интеллигенции». Конечно, обвинять в убийстве Пушкина неких либералов или масонов – значит, подчинять здравый смысл предрассудкам. В той же логике, но с противоположными оценками рассуждал Юрий Тынянов, предполагавший, что аж на Венском конгрессе (в 1815-м году!), по предложению Меттерниха, лидеры европейских держав договорились физически уничтожить потенциальных вождей революционного движе-

ния. Жертвами этой тайной политики он объявил Грибоедова, Пушкина, а заодно и французского математика Эвариста Галуа...

Версия Щёголева

Кто же был автором злосчастного диплома ордена Рогоносцев? Несколько раз доброхоты проводили экспертизу диплома. Называли графиню Нессельроде (дочь министра финансов Гурьева), князя Гагарина... В наше время пушкинист Леонид Аринштейн пришёл к выводу, что следы ведут к Александру Раевскому, сыну прославленного генерала. Пушкин считал его демонической личностью. Оба они в свое время ухаживали за Елизаветой Воронцовой, и поэт, по-видимому, оказался удачливее. Главный аргумент Аринштейна – оттиск сургучной печати, которая, якобы, принадлежала Раевскому. Но убедительных доказательств и в этой версии нет: оттиск внимательно рассматривали и Виельгорский, и следователи, современники Раевского. Уж они бы разгадали тайну печати точнее нашего современника, но никто не указал на Раевского...

Павел Щёголев (а вслед за ним и Вересаев) не сомневался, что автором «диплома рогоносцев» был колченогий молодой князь Пётр Долгоруков, близкий к кругу Геккерена. На эту проделку он решился, по мнению пушкиниста, из подлого озорства. Долгорукова подозревали и современники. На

склоне лет он даже опубликовал своеобразную отповедь в герценовском «Колоколе».

Щёголев в предреволюционные годы собрал едва ли не все имевшиеся к тому времени документы, связанные с дуэлью Пушкина и ввел в оборот немало новых данных – например, о последней встрече Пушкина с Николаем I. Но бросалось в глаза предубеждение исследователя по отношению к жене поэта. Он нашел виновника гибели Пушкина. А точнее – виновницу. К Натали Щёголев относился как неумолимый прокурор. «Наталья Николаевна была увлечена серьезнее, чем Дантес... доминировал в любовном поединке Дантес: его искали больше, чем искал он сам», – эта трактовка в 1916-м воспринималась как нечто сенсационное. Принято считать, что преданная супруга, «чистейшей прелести чистейший образец», отвергла ухаживания назойливого француза, позволив себе лишь мимолётное светское кокетство. Многие жрецы пушкинского святилища и сегодня считают кощунственными любые подозрения в адрес Натали. Так строптивый пушкинист заслужил репутацию женоненавистника. У него нашлись последователи, в том числе знаменитые. «До крайних пределов осуждения и обвинения жены Пушкина дошла Анна Ахматова», – писал академик Дмитрий Благой.

Когда в 1987 году в издательстве «Книга» затевалось переиздание книги Щёголева массовым тиражом, в прессе появилось открытое письмо, подписанное знаменитыми писа-

телями и пушкинистами. Леонид Леонов, Юрий Бондарев, Семён Гейченко, Николай Скатов – все они выступили против щёголевской книги: «Ещё в двадцатых годах чрезвычайно субъективный взгляд Щёголева на семейные отношения Пушкиных был ошибочно принят некоторыми талантливыми литераторами за абсолютную истину и внёс такое смятение в умы, что многим и многим писателям, ученым, исследователям биографии поэта стоило большого труда в течение десятилетий отстоять доброе имя самого близкого Пушкину человека, его дорогого друга, любимой женщины, матери его детей – Наталии Николаевны». Остановить переиздание не удалось. Но тираж, под давлением общественности, сократили. Вычеркнуть Щёголева из контекста не удалось. Парвеню? Возможно. Зато – труженик пушкинистики.

Викентий Вересаев первым попытался воспроизвести жизнь Пушкина день за днём – и получилось не только капитальное исследование, но и увлекательное чтение. Его «Пушкин в жизни» и «Спутники Пушкина» – из тех книг, о которых поначалу спорят не без высокомерия, но через десятилетие – другое мало кто сомневается, что это – классика. Вслед за Щёголевым, Вересаев неприязненно относился к Наталье Николаевне и намекал на её «особые отношения» с императором – в том числе и после гибели Пушкина. Ведь её новый муж Ланской вполне годился в Нарышкины, хотя и не удостоился диплома...

Академик Юрий Лотман первым в печати объяснил скан-

дальные приставания Дантеса к жене Пушкина желанием устранить порочащие его слухи о гомосексуальной связи со своим приёмным отцом – бароном Геккерном. Речь пошла даже о некоем «заговоре мужеложцев» против Пушкина, который к тому времени успел испортить отношения и с Михаилом Дондуковым-Корсаковым, и с министром Сергеем Уваровым, бывшим приятелем по литературным собраниям... Лотман считал вероятным сговор между Уваровым и Геккереном. Уваров когда-то основал литературное общество «Арзамас», построенное на розыгрышах и мистификациях. Ему бы хватило фантазии на «диплом ордена рогоносцев». Недурная месть за оскорбительные эпиграммы. «Пушкин защищал свой Дом, свою святыню, на которой основано „самостоянье человека“, от низости, коварства и разврата», – писал Лотман.

Возмутителем спокойствия служил в пушкинистике Александр Лацис, разработавший гипотезу о неизлечимой болезни, которая сжигала поэта несколько лет. По этой версии, именно из-за тяжкого недуга Пушкин выбрал дуэль как завуалированную форму самоубийства. Система доказательств построена на одном допущении: Пушкин с юности был склонен к мистификациям, слова в простоте не сказал. И всё-таки не только у Лациса, но и у менее эксцентричных исследователей сквозит: Пушкин как будто стремился к поединку, чтобы разом разделаться со всеми напастями. Против этой версии – жизнелюбие поэта. Его литературные пла-

ны. Он ещё не утвердил себя в полной мере как историограф и прозаик. В его кабинете осталась вереница незавершённых «пиес» – да каких.

Историк московской Руси Руслан Скрынников, как и подobaет петербуржцу, много лет исследовал историю дуэли Пушкина, искал документы, анализировал версии, в том числе переписку Дантеса с приемным отцом, которая оставалась неизвестной во времена Щёголева. В итоге получилась книга не только насыщенная фактами и версиями, но и литературно отточенная. Скрынников не верил в суицидальные настроения Пушкина – любящего многодетного отца. Историк полагал, что пресловутый «диплом» Пушкину без дальнего прицела послали молодые озорники – князь Пётр Урусов, корнет Константин Опочинин. Они развлекались таким образом и с другими мужьями, о которых судачили в свете. Скрынников назвал и главную причину дуэли – слух о сожительстве Пушкина с Александринной. Распускал слухи кавалергард Александр Трубецкой – фаворит императрицы, входивший в круг Геккерена. Щёголев считал этот мотив третьестепенным.

Пушкинист Андрей Лисунов высказал предположение, что автором рокового ордена рогоносцев был... сам Александр Сергеевич, великий мистификатор. Таким образом он стремился сделать необратимым смертельный поединок с обидчиком. Еще дальше пошёл академик Николай Петраков – известный экономист, директор института Проблем рын-

ка, всю жизнь мечтавший стать пушкиноведом. Он не сомневался, что император Николай I влюбился в Наталью Николаевну не менее серьезно, чем его старший брат – в Нарышкину. Ведь до последнего часа император носил портрет Натальи в медальоне... Где тут кончается легенда и начинается документ? И не разберешь.

Зёрна всех версий – даже самых невероятных – можно найти в пересудах современников Пушкина – Вяземского, Хомякова, Тургенева, Жуковского... А непреложной правды не ждите – будущие исследователи продолжат череду тайн и предположений.

Эта книга – достойное приношение памяти великого поэта и собрание документов почти детективной истории, о которой каждый из участников имеет собственное мнение, каждый создает собственный сценарий. Последний год жизни Пушкина – вечная загадка. На кого мог опереться поэт, попавший в омут чудовищной интриги? В советское время в научный оборот вошла переписка Карамзиных – семейства, близкого к Пушкину и искушенного в придворной и литературной жизни. Она проливает свет на контекст гибели поэта. Не менее интересна позиция Петра Вяземского, который считал себя одним из виновников гибели Пушкина и в первые дни после дуэли, с помощью супруги, написал послание императору, в котором описал события в благоприятном для себя ключе. Вы увидите и другие свидетельства, исследования, версии, которые достойны внимания, а в сумме дают

объективное представление об одном из самых трагических событий в истории России.

Только один участник давней интриги ничего не написал о ней – Александр Пушкин. Поэтому так трудно приоткрыть правду тех событий. Книга, которую вы держите в руках, поможет в этом.

Арсений Замостьянов,

заместитель главного редактора журнала «Историк»

**Екатерина Андреевна, Софья
Николаевна, Александр
Николаевич и Андрей
Николаевич Карамзины
Из переписки 1836–1837 годов**

Из писем к Андрею Карамзину

Николай Карамзин

С.Н. КАРАМЗИНА

8/20 июля 1836 г. Царское Село.

В самом деле, господин Андрей, вы скверный, вы негодный мальчишка <...> Вот уже две недели мы не имеем никаких известий о вашей чрезмерно нами любимой особе. Вы совсем не заслуживаете, чтобы вам писали; поэтому я сделаю это как можно более кратко и лишь для того, чтобы сообщить тебе о петергофском празднике. Иначе, если я стану ждать твоего письма, чтобы прийти снова в хорошее настроение, он станет древней историей.

Я отправилась на этот праздник с госпожой Шевич. Погода была божественная, что явилось неожиданностью в конце самого холодного, самого сырого и унылого дня, какой только можно себе представить, словно для того, чтобы показать, что необыкновенному счастью государя ничто не противодействует и даже стихии никогда его не расстраивают. Утро, начавшееся в восемь часов, прошло для меня весьма тоскливо, среди довольно скучного общества, которое прогуливалось черепашьим шагом по аллеям, еще пустынным, вероятно, по причине вчерашней ужасной погоды. Единственный приятный момент был, когда всё общество спустилось в сад, чтобы затем, после представления государю, вереница-

ми проследовать назад. Там я встретила почти всех наших друзей и знакомых, в том числе Вяземского (довольно веселого в своем придворном мундире, который он, наконец, решился надеть), Одоевских (он, сделанный камергером, она вся в розовом, с палевыми цветами на шляпе, сильно похудевшая и почти красивая), Надину Соллогуб (она уезжает одиннадцатого числа за границу со своей теткой, проведет там более года, зимой, возможно, отправится в Италию, а сейчас прямо в Баден-Баден, где надеется увидеть тебя и где также находится госпожа Смирнова; бедный Андрей, береги свое сердце), Опочининых и Люцероде (которые просили передать тебе множество приветов), Бутурлиных (которые уезжают 25-го; Лиза была очаровательна в венке из палевых роз) и Дантеса, увидеть которого, признаюсь, мне было очень приятно. По-видимому, сердце всегда немножко привыкает к тем, кого видишь ежедневно. Он неторопливо спустился по лестнице, но, заметив меня, перепрыгнул через последние ступеньки и подбежал ко мне, краснея от удовольствия, на что он не преминул обратить мое внимание и за что я ему отплатила с лихвой; ведь ты знаешь, что я всегда готова краснеть по любому поводу. Он спросил меня, с кем я приехала и что предполагаю делать. Он презрительно бросил: «Как! Вот с этими вы собираетесь провести день?» Но тем не менее был весьма любезен с госпожой Шевич, пожелал быть представленным ей и просил позволения сопровождать нас на вечернюю прогулку, милость, которую она ему оказа-

ла тем более охотно, что до этого не переставала твердить всем встречным (к моей великой досаде): «Боюсь, что без кавалеров мы не сможем сегодня отправиться смотреть иллюминацию. Наши кавалеры нас обманули. Не видели ли вы наших кавалеров?» – и когда у нее спрашивали: «Кого именно?» вообрази, как стыдно мне было слышать: «Пищевича и Золотницкого». Даже и такая надежда была обманута!

После обеда из холодных блюд, который кончился в четыре часа, я содрогалась от перспективы провести часа два по меньшей мере (до начала гулянья) в душной комнатке в обществе пяти изрядно скучных женщин, но господин Бутурлин был столь сообразителен и любезен, что пришел за мной и отвел меня к своей жене; мы нежно распростились, я провела у них критическое время, а затем таскала добрейшую госпожу Шевич по всем садам. Монплезир был восхитителен, море освещено заходящим солнцем, апельсиновые деревья благоухали, оркестр играл арии из опер, а Ковалинский объяснялся в любви. Оттуда мы отправились к дворцу, чтобы послушать вечернюю зорю. Там я снова увидела кучу людей (которые теперь собирались на костюмированный бал) и опять встретила Дантеса, который уже нас больше не оставлял. Мы прихватили также вашего товарища, бедного Александра Голицына (очень грустного и подавленного неприятностями по службе), Шарля Россета, Поликарпова и пресловутого Золотницкого, который, наконец, объявился

для того, чтобы предложить руку своей тетке на весь остаток вечера. Потом мы все отправились к нам пить чай (чашек и стульев хватило кое-как лишь на половину собравшихся) и в одиннадцать часов вечера двинулись в путь. Я шла под руку с Дантесом, он забавлял меня своими шутками, своей веселостью и даже смешными припадками своих чувств (как всегда, к прекрасной Натали). Но этот петергофский праздник – настоящий северный праздник, торжественный и унылый, со всеми этими людьми, которые шествуют с вытянутыми лицами, один за другим, скользят, словно тени, в гробовом молчании, без единого взрыва смеха, без единого громкого возгласа, – всё это печально. <...>

С.Н. и А.Н. КАРАМЗИНЫ

24-25 июля (5–6 августа) 1836 г. Царское село

С.Н. КАРАМЗИНА

24 июля/5 августа

<...> Вышел второй номер «Современника». Говорят, что он бледен и в нем нет ни одной строчки Пушкина (которого разобрал ужасно и справедливо Булгарин, как светило, в полдень угасшее. Тяжко сознавать, что какой-то Булгарин, стремясь излить свой яд на Пушкина, не может ничем более уязвить его, как говоря правду!). Там есть несколько очень остроумных статей Вяземского, между прочим, одна

по поводу «Ревизора». Но надо же быть таким беззаботным и ленивым, как Пушкин, чтобы поместить здесь же сцены из провалившейся «Тивериады» Андрея Муравьева! Тебе известно, что последний теперь камергер и совершенно счастлив этим. <...>

Софья Николаевна Карамзина

А.Н. КАРАМЗИН

25 июля (6 августа)

<...> Не верь Софи в том, что она тебе говорит о «Современнике», он превосходно составлен; правда, Пушкин ничего не написал, но там есть очень хорошие статьи дядюшки и Одоевского. Пушкин собирается выпустить новый роман.

<...>

А.Н. КАРАМЗИН

31 августа-3 сентября (12–15 сентября) 1836 г. Петербург

<...> Вчерашний день я, как *gesagt*, праздновал свои именины в Царском. Обедали у нас Мещерский и Аркадий. После обеда явились Мухановы, друзья сестер; старший довольно толст и похож на умершего своего брата, он не хорош, но, видно, что эта вещь известная, очень разговорчив, весел и *communicatif*, младший, напротив, совершенно черт знает что такое! Худенький, гаденький, тихонький, похож страшно на приятеля нашего Толмачева, но гораздо его хуже. Они оба ехали в Москву. Старший накануне видел Пушкина, которого он нашел ужасно упавшим духом, раскaiвавшимся, что написал свой мстительный пасквиль, вздыхающим по потерянной фавории публики.

Пушкин показал ему только что написанное им стихотво-

рение, в котором он жалуется на неблагодарную и ветреную публику и напоминает свои заслуги перед ней. Муханов говорит, что эта пьеса прекрасна. Кстати, о Пушкине. Я с Вошкой и Аркадием после долгих собраний отправились вечером Натальина дня en partie de plaisir к Пушкиным на дачу Проезжая мимо иллюминированной дачи Загрядской, мы вспомнили, что у нее фурц и что Пушкины, верно, будут там. Несмотря на то, мы продолжали далекий путь и приехали pour voir la toilette de ces dames et les mettre en voiture. Après avoir remis la partie de plaisir au surlendemain, nous revenons tout confus. В назначенный день мы опять отправляемся в далекий путь, опять едем в глухую, холодную ночь и почти час слушаем, как ходят ветры севера и смотрим, как там и сям мелькают в лесу далекие огни любителей дач; приехали: «Наталья Николаевна приказали извиниться, они очень нездоровы и не могут принять».

Тогда проклятия и заглушенные вопли вырвались из наших мужских грудей. Мы послали к черту всех женщин, живущих на Островах и подверженных несуразным расстройством, и вернулись домой еще более смущенные, чем в первый раз. Этим и ограничились пока наши посещения. Не будь этого услужливого недомогания, Пушкины приехали бы в Царское провести вчерашний и позавчерашний дни. Эта помеха сделала совершенно счастливой мою нежную голубку, хотевшую в столь торжественный день моих именин царствовать без соперниц <...>

3 сентября.

Вчера вечером я с Володькой опять ездили к Пушкиным и было с нами оригинальнее, чем когда-нибудь. Нам сказали, что дескать дома нет, уехали в театр. Но на этот раз мы не отстали так легко от своего предприятия, взошли в комнаты, велели зажечь лампы, открыли клавикорды, пели, открыли книги, читали и таким образом провели час с четвертью. Наконец, они приехали. Поелику они в карете спали, то и пришли совершенно заспанные, Alexandrine не вышла к нам и прямо пошла лечь; Пушкин сказал два слова и пошел лечь. Две другие вышли к нам зевая и стали просить, чтобы мы уехали, потому что им хочется спать; но мы объявили, что заставим их с нами просидеть столько же, сколько мы сидели без них. В самом деле мы просидели более часа. Пушкина не могла вынести так долго, и после отвергнутых просьб о нашем отъезде она ушла первая. Но Гончарова высидела все $1\frac{1}{4}$ часов, но чуть не заснула на диване. Таким образом мы расстались, объявляя, что если впредь хотят нас видеть, то пусть присылают карету за нами. Пушкина велела тебе сказать, что она тебя целует. (Ее слова)

Александр Николаевич Карамзин

С.Н. КАРАМЗИНА

19 сентября (1 октября) 1836 г. Царское Село.

«...» Что касается нас, дорогой Андрей, то мы живем теперь не в маленьком провинциальном городке, но в блистательной императорской резиденции. Двор здесь уже десять дней, а государь два дня назад прибыл из Москвы за тридцать шесть часов (вот как он исправляется от любви к быстрой езде после того несчастного случая). Говорят, он поухудел, рука у него на перевязи, но чувствует он себя хорошо. В остальном ничто в Царском не изменилось: парк такой же пустынный, как и прежде, и прогулки столь же свободны. В минувшее воскресенье, впрочем, наше мещанское существование было совершенно нарушено: нас разбудили приглашением на вечерний бал, после чего мы отправились к обедне, где дамы в роскошных уборах, а мужчины в парадной форме (все, даже Жуковский) ожидали появления земных владык. Мы же, пришедшие туда, только чтобы поклониться владыке небесному, мы скромно спрятались в глубине церкви, в толпе царкосельских обывателей «...»

В понедельник у нас были Александр и Аркадий, и мы вместе смаковали твое письмо из Бадена. Вечером мы были на именинах у Шевичей, и за всё время, что мы там находились, оба молодых человека раскрыли рот лишь для того, чтобы напомнить мне, что пора отправляться восвояси; за-

то дома, за чаем, они болтали и смеялись, и Александр рас- смешил до слез всех, даже маменьку. Во вторник мы при- сутствовали на очаровательном детском спектакле у Никиты Трубецкого, где меня совершенно растрогала картина люб- ви и семейного счастья. В среду мы отдыхали и приводили в порядок дом, чтобы на другой день, день моего ангела, при- нять множество гостей из города; в ожидании их маменька сильно волновалась, но всё сошло очень хорошо. Обед был превосходный; среди гостей были Пушкин с женой и Гон- чаровыми (все три – ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями), мои братья, Дантес, А.Голи- цын, Аркадий и Шарль Россет (Клементия они позабыли в городе, собираясь впопыхах), Скалон, Сергей Мещерский, Поль и Надина Вяземские (тетушка осталась в Петербурге ожидать дядюшку, который еще не возвратился из Москвы) и Жуковский. Тебе нетрудно представить, что, когда дело дошло до тостов, мы не забыли выпить за твое здоровье. Послеобеденное время, проведенное в таком приятном об- ществе, показалось очень коротким; в девять часов пришли соседи: Лили Захаржевская, Шевичи, Ласси, Лидия Блудо- ва, Трубецкие, графиня Строганова, княгиня Долгорукова (дочь князя Дмитрия), Клюпфели, Баратынские, Абамелек, Герсдорф, Золотницкий, Левицкий, один из князей Боря- тинских и граф Михаил Виельгорский, – так что получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам го- стей, всех, за исключением Александра Пушкина, который

всё время грустен, задумчив и чем-то озабочен. «Он своей тоской и на меня тоску наводит». Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает всё те же штуки, что и прежде, – не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, всё же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий. Боже мой, как всё это глупо! Когда приехала графиня Строганова, я попросила Пушкина пойти поговорить с ней. Он было согласился, краснея (ты знаешь, что она – одно из его «отношений», и притом рабское), как вдруг вижу – он внезапно останавливается и с раздражением отворачивается. «Ну, что же?» – «Нет, не пойду, там уж сидит этот граф». – «Какой граф?» – «Д'Антес, Гекрен что ли!» Кстати, о графине Строгановой: вообрази, Скалон внушил себе, что он безумно в нее влюблен! Когда она вошла, я с ним танцевала кадрили, но вдруг чувствую, что его рука в моей руке сделалась мертвенно-холодной, я взглянула на него с удивлением, он был блее платка и от волнения не мог говорить. Потом он признался мне, что ему едва не стало дурно. Полюбуйся, вот какое действие оказывает на слабый ум тщеславие, которому потворствуют! А еще говорят, что это свойственно лишь женщинам! Она же, между тем, весьма серьезно кокетничала с Александром, но тут нашла коса на камень. В

остальном же он был очень мил и много танцевал, как мне кажется, следуя твоим советам, и разговаривал надлежащим образом. Вольдемар – красивый, гордый и высокомерный – соблаговолил протанцевать несколько кадрилей и позволил себя выбрать на мазурку. Мишель Вильегорский танцевал, как сумасшедший, и был любезен до крайности. <...>

Андрей Николаевич Карамзин

А.Н. КАРАМЗИН

1(13) октября 1836 г. Петербург

«...» У Пушкина семьсот подписчиков, не много. Одоевский готовится издавать свой журнал, но еще нет ничего. Я буду у него послезавтра. Пришли ему статейку. Говорят, что третий том «Современника» очень хорош, я еще не имел его. Литературных новостей больше нет.

С.Н. и Е.А. КАРАМЗИНЫ

18-20 октября (30 октября-1 ноября) 1836 г. Петербург

С.Н. КАРАМЗИНА

18/30 октября.

«...» Вчера, в воскресенье, Вяземские и Валуевы «по древнему и торжественному обычаю» у нас обедали и после обеда тоже пожелали послушать твое письмо. Они шлют тебе тысячу нежностей; «но воля твоя», счастье их выглядит очень скучно и очень безжизненно. Вечером Мари устроила у себя чай, были неизбежные Пушкины и Гончаровы, Соллогуб и мои братья. Мы не смогли туда поехать, потому что у нас были гости: госпожа Огарева, Комаровские, Мальцов и некий молодой Долгорукий, друг Россетов, довольно бесцветная личность. Около полуночи приехал Соллогуб, совсем заспанный, и рассказал, что; у Валуевых был настоящий вечер семи спящих, что хозяйева зевали наперебой и в кон-

це концов выпроводили своих гостей, тоже совсем уже сонных, чтобы лечь спать. И вот что на этой жалкой земле зовется счастьем: стоит ли после этого вздыхать и сокрушаться, что оно про тебя забыло, обходя землю! Нет, когда я вижу счастливых мира сего, мне становится скучно, а скука – превосходное лекарство против болезни, называемой завистью. Кстати, Николай Мещерский – жених, он приступом взял свою Александрина, вот и он также скоро будет спать на своем счастье. Как видишь мы вернулись к нашему городскому образу жизни, возобновились наши вечера, на которых с первого же дня заняли свои привычные места Натали Пушкина и Дантес, Екатерина Гончарова рядом с Александром, Александрина – с «Аркадием», к полуночи Вяземский и один раз, должно быть по рассеянности, Вильегорский, и милый Скалон, и бестолковый Соллогуб, «и всё по-прежнему, а только нет Андрея, а потому еще побесцветнее»! <...>

Софи

Екатерина Андреевна Карамзина

Е.А. КАРАМЗИНА

20, вторник утром.

Здравствуй, дорогой мой, вчера или позавчера мы много говорили о «Современнике»; ты мне так и не написал, получил ли его, а между тем князь Петр тебе его послал; я дала ему для этого тот экземпляр, который ты сам себе присвоил, постараюсь выслать тебе третий том, который только что вышел: все находят, что он лучше остальных и должен вернуть Пушкину его былую популярность; у меня его еще нет, но нам из него читали превосходные вещи самого издателя, очень милые – Вяземского и несказанное сумасбродство «Гоголя „Нос“»; Софи возмущена, я же, слушая его, смеялась, хотя и не обнаружила в нем, не скажу, здравого смысла, – фантастический род может без него обойтись, – но хоть какого-нибудь правдоподобия в воображении; я вышлю тебе его, как только ты где-нибудь поселишься; <...>

Прощай, мой дорогой и горячо любимый сын, нежно прижимаю тебя к сердцу, благословляю тебя и призываю также на тебя благословение твоего обожаемого отца; оно должно быть действительным для всего, что есть хорошего: «целую тебя нежно». Кстати. Прошу тебя возвратиться к русской корреспонденции; все меня бранят за то, что ты пишешь по-французски; я сама нахожу, что письма русские оригинальнее и милее. <...>

С.Н. КАРАМЗИНА

3(15) ноября) 1836 г. Петербург.

«...» Я должна рассказать тебе о том, что занимает всё петербургское общество, начиная с литераторов, духовенства и кончая вельможами и модными дамами; это – письмо, которое напечатал Чедаев в «Телескопе», «Преимущества католицизма перед греческим исповеданием», источником, как он говорит, всяческого зла и варварства в России, стеною, воздвигнутой между Россией и цивилизацией, – исповеданием, принесенным из Византии со всей ее испорченностью и т. д. Он добавляет разные хорошенькие штучки о России, «стране несчастной, без прошлого, без настоящего и будущего», стране, в которой нет ни одной мыслящей головы, стране без истории, стране, в которой возникли лишь два великана: Петр I, мимоходом набросивший на нее плащ цивилизации, и Александр, прошедший победителем через Европу, ведя за собой множество людей, внешняя доблесть и мужество которых были не чем иным как малодушной покорностью, людей, у которых «человеческое только лицо, и к тому же безо всякого выражения».

Как ты находишь все эти ужасы? Недурно для русского! И что скажешь ты о цензуре, пропустившей всё это? Пушкин очень хорошо сравнивает ее с пугливой лошадыю, которая ни за что, хоть убейте ее, не перепрыгнет через белый пла-

ток, подобный запрещенным словам, вроде слов «свобода», «революция» и пр., но которая бросится через ров потому, что он черный, и сломает там себе шею. Это письмо вызвало всеобщее удивление и негодование. Журнал запрещен, цензор отставлен от должности, приказано посылать ежедневно к Чедаеву врача, чтобы наблюдать, не сумасшедший ли он, и еженедельно докладывать о нем государю.

Мы мало выезжаем, лишь изредка кое-какие визиты, да один вечер провели у добрых Люцероде. Милая Августа просит передать тебе тысячу любезностей. У нас за чаем всегда бывает несколько человек, в их числе Дантес, он очень забавен и поручил мне заверить тебя, что тебя ему не достает <...>

Твой день, 24-е, был отпразднован великолепно, большим обедом со всеми друзьями: Вяземскими, Валуевыми, Росsetами, Соллогубом и прочими и с шампанским. Прощай, обнимаю и люблю тебя невыразимо.

Софи

А.Н. КАРАМЗИН

5(17) ноября 1836 г. Петербург.

<...> Не веришь, брате, право, люди так поглупели, что мочи нет. Я пускаюсь в свет, я не раз строил уже и плясе, и козе, и даже публичный всхрапе; но всё не весело, ей-ей не весело. Придешь домой, кажется, говорил много, а всё равно, что квасу водяного напился: раздует, раза три отрыгнется в нос,

да и всё по-прежнему опять. Послушай, о чем говорят люди: соберутся, почешут затылки, потрунят неистово-остро над петербургским климатом, спросят друг у дружки: «были ли вы на выставке?» – некоторые замечания, показывающие познания глубокие насчет живописи. Потом уж и опять чешут затылки, да разве прибавят с удивительной тонкостью, что скоро опять начнутся балы и рауты, и что удивительно, что до сих пор их еще так мало, и что кажется, что рауты начинают быть чаще, чем танцевальные вечера, но что это-де жаль, что это-де скучно и пр. Прежде бывало совсем не то; прежде были сюжеты всякие для разговоров: и новые оперы, и какие-то кометы, и какие-то пророки разные, и неистовства неслыханные на Вибургской стороне, и поправка кронштадтских укреплений, и какие-то принцы немецкие, и какие-то послы турецкие, и волки бешеные, и черт знает что, а теперь просто свинство! А придешь домой, тут тебя разберет философия. Философия-самая ужасная вещь настоящего века; станешь философствовать, что вот-де как проводишь время, что-де молодость проходит таким подлым образом, что оскотинился, что чувства душевные тупеют приметно, что начинаешь весьма походить на полону и пр. При этой философии начинает по всему телу проходить какая-то гадость, которая мало-помалу переходит в сонливость, станешь зевать, ляжешь да и всхрапе. А на другое утро в казармы! Видя такую всеобщую гадость в жизни, можно помещаться и даже написать письма вроде Чедаева, о которых го-

ворит тебе сестра. В галиматые этого человека, право, иногда есть довольно справедливые мысли, только точка зрения его совершенно ложная: он всё зло видит только у нас и всё ругает бедную Россию там, где нужно ругать весь век, всё человечество. Кроме того, он смешивает частности одного времени с общим характером народа и, наконец, всё увеличивает, доказывает вред, происшедший от одной причины, а не видит, что эта же самая причина спасла нас от других, может быть, больших бедствий. Словом, видно, что он человек с большим умом, но, к несчастью, несколько помешался от излишнего самолюбия или от того, что слишком влюбился в свои мысли и мнения, всмотрелся в них пристально и забыл всё, что видел прежде, всё, что слышал прежде, всё, что непосредственно принадлежало к этим мыслям, которые, наконец, свели его несколько с ума.

Е.А. и С.Н. КАРАМЗИНЫ

20-21 ноября (2–3 декабря) 1836 г. Петербург.

Е.А. КАРАМЗИНА

«...» В день моего рождения был устроен, как всегда, большой праздник, до крайности сумбурный потому, что собрались самые разнообразные личности. Я получила красивые вещи от Гамбса, который помещается под нами. Князь Петр, Жуковский, Соллогуб, Валуев и другие зашли туда за подар-

ками, которые они мне и преподнесли. Когда обносили шампанским, я не преминула выпить за твое здоровье, мой милый друг, и выразить горячие пожелания всяческого для тебя благополучия, душевного и физического; в одиннадцать часов мы отправились на раут графини Фикельмон; весь день женщины были заняты шитьем черного платья для меня, так как на три недели объявлен траур по Карлу X. В понедельник я иду на концерт к барышням Ласи, а оттуда к Люцероде. Надеюсь, что на этом закончатся мои выезды на вечера. У нас тут свадьба, о которой ты, конечно, не догадался бы, и я не скажу тебе, оставляя это удовольствие твоей сестре. Впрочем, полагаю, что ты уже знаешь об этом от Ар«кадия» Россета. Прямо невероятно, – я имею в виду эту свадьбу, – но всё возможно в этом мире всяческих невероятностей. Пока что я немного устала, да и надо оставить место для мадемуазель Софи, чтоб не лишать ее удовольствия посплетничать тебе. Сейчас она пошла навестить Жюли Зиновьеву, рожденную Батюшкову. Александр одевается, чтобы идти на раут к княгине Белосельской, пообедав вдвоем с Дантесом у этого последнего. Вольдемар кашляет, он должен был участвовать в обеде, но из-за кашля я его не отпустила. <...>

С.Н. КАРАМЗИНА

<...> Я должна сообщить тебе еще одну необыкновенную новость – о той свадьбе, про которую пишет тебе мамень-

ка; 8 догадался ли ты? Ты хорошо знаешь обоих этих лиц, мы даже обсуждали их с тобой, правда, никогда не говоря всерьез. Поведение молодой особы, каким бы оно ни было компрометирующим, в сущности компрометировало только другое лицо, ибо кто смотрит на посредственную живопись, если рядом – Мадонна Рафаэля? А вот нашелся охотник до этой живописи, возможно потому, что ее дешевле можно было приобрести. Догадываешься? Ну да, это Дантес, молодой, красивый, дерзкий Дантес (теперь богатый), который женился на Катрин Гончаровой, и, клянусь тебе, он выглядит очень довольным, он даже одержим какой-то лихорадочной веселостью и легкомыслием, он бывает у нас каждый вечер, так как со своей нареченной видится только по утрам у ее тетки Загряжской; Пушкин его не принимает больше у себя дома, – он крайне раздражен им после того письма, о котором тебе рассказывал Аркадий. Натали нервна, замкнута, и, когда говорит о замужестве сестры, голос у нее прерывается. Катрин от счастья не чувствует земли под ногами и, как она говорит, не смеет еще поверить, что всё это не сон. Публика удивляется, но, так как история с письмами мало кому известна, объясняет этот брак очень просто. Один только Пушкин своим взволнованным видом, своими загадочными восклицаниями, обращенными к каждому встречному, и своей манерой обрывать Дантеса и избегать его в обществе, добьется того, что возбудит подозрения и догадки. Вяземский говорит, «что он выглядит обиженным за жену, так как Дантес

больше за ней не ухаживает». Об этой свадьбе было объявлено во вторник на балу у Салтыковых, и там они уже принимали поздравления. Я тоже там была и много танцевала. Дантес, зная, что я тебе пишу, просит тебе передать, что он очень доволен и что ты должен пожелать ему счастья.

С.Н. КАРАМЗИНА

28 ноября (10 декабря) 1836 г. Петербург.

<...> Перейдем к исторической части нашей жизни и поспешим, ибо час отправления почты жестоко меня прищипывает. В прошлый понедельник мы были на концерте у Ласи, в котором эти барышни, Виельгорский, господин Кочубей, Балабин и другие любители исполняли очень приятную музыку в красивом, светлом, теплом и не слишком полном зале. Оттуда мы поехали закончить вечер к Люцероде, где, к большому нашему удивлению, застали весь город припрыгивающим под звуки фортепиано в гостиной вдвое меньше нашей. Как любят танцевать в Петербурге! Это прямо какое-то бешенство: Люцероде собирают у себя по понедельникам едва по двадцати человек; на этот раз, услышав, что у них будут танцы, вся аристократическая толпа наших гостиных ринулась туда, теснясь в своего рода русской бане, и, если не считать ощущения удушья, очень веселилась. Я делала то же, что делали другие: танцевала с Головиным, Огаревым, и неким Хрущевым из конной гвардии, с Репниным, а ма-

зурку с Соллогубом, у которого в этот день темой разговора со мной была история о неистовствах Пушкина и о внезапной любви Дантеса к своей невесте. Ведь обычно между нами условлено, что нам нечего сказать друг другу по причине наших родственных отношений и дружбы, избавляющей нас от тягостной напряженности. Он всегда делает вид, что презирает общество, в ничтожестве которого никто лучше его не разбирается, но этим он только доказывает, что неравнодушен к этому самому обществу. Он ухаживает за госпожой Пушкиной, очень всем нравится в обществе, где, пожалуй, сам в конце концов почувствовал бы себя хорошо, если бы не принял несвоевременного решения и слишком поспешного обязательства через несколько недель ехать в Харьков с графом Александром Строгановым, назначенным генерал-губернатором Харькова, а также Полтавы и Чернигова.

Во вторник, в день св. Екатерины, мы непрерывно принимали гостей, с двенадцати часов дня и далеко за полночь. Вечером это стало невыносимо, разнородная толпа, праздная, скучающая и наводящая скуку. Я бы решительно настаивала на том, чтобы устроить танцы, потому что тягостно ничего не делать, когда народу слишком много для беседы и недостаточно для толкотни, как на рауте. Но в тот день был бал у Салтыковых, и, следовательно, недостаток кавалеров. Среди гостей у нас были графиня Натали Строганова, вся разодетая, красивая и совершенно растерянная. Что касается меня,

то я налила 138 чашек чаю, мне чуть-чуть не стало дурно, а маменька в награду за мое усердие на благо общественное вымыла мне голову за то, что по ее словам, я слишком мало занималась дамами и слишком много Дантесом, Герсдорфом и Мальцевым. Но это ведь была только догадка, основанная на теории вероятностей (потому что маменька сидела в другой комнате). В среду мы были неожиданно обрадованы приездом Александра Тургенева, оживившего наш вечерний чай своим прелестным умом, остроумиями и неисчерпаемым запасом пикантных анекдотов обо всех выдающихся представителях рода человеческого. Он очень сожалеет, что сейчас он не в Париже и не может тебя представить, между прочим, госпоже Рекамье. Ты должен очень постараться проникнуть к ней, быть может, через госпожу Свечину, ведь это – место встречи французской литературы всех родов.

Вчера, в четверг, состоялось открытие Большого театра (он очень красив); давали «Ивана Сусанина» Глинки в присутствии двора, дипломатического корпуса и всех государственных сановников. Я была там с доброй госпожой Шевич в ложе второго яруса, (мы, естественно, сами не смогли добыть). Многие арии оперы прелестны, но всё в целом показалось мне написанным в жалобном тоне, несколько однообразным и недостаточно блестящим; всё построено на русских темах и в миноре. В последней сцене декорация Кремля великолепна, толпа народа, переходящая в лица, напи-

санные на полотне, казалась продолженной в бесконечность. Восторг, как обычно у нас, был холодноват, аплодисменты замирали и возобновлялись как бы с усилием. <...>

С.Н. КАРАМЗИНА

29 декабря 1836 г. (10 января 1837 г.). Петербург

Теперь, Андрюша, когда ты успокоился относительно здоровья маменьки, я прежде всего должна побранить тебя за более, чем скудное содержание твоего последнего баденского письма: согласишься, что это очень обидно! А затем я продолжаю сплетни и начинаю с темы Дантеса; она была бы неисчерпаемой, если бы я принялась пересказывать тебе всё, что говорят; но поскольку к этому надо прибавить: никто ничего не знает, – я ограничусь сообщением, что свадьба совершенно серьезно состоится 10/22 января; что мои братья, и особенно Вольдемар (очень чувствительный к роскоши), были ослеплены изяществом их квартиры, богатством серебра и той совершенно особой заботливостью, с которой убраны комнаты, предназначенные для Катрин; Дантес говорит о ней и обращается к ней с чувством несомненного удовлетворения, и более того, ее любит и балует папаша Геккерн. С другой стороны, Пушкин продолжает вести себя самым глупым и нелепым образом; он становится похож на тигра и скрежещет зубами всякий раз, когда заговаривает на эту тему, что он делает весьма охотно, всегда радуясь каждому

новому слушателю. Надо было видеть, с какой готовностью он рассказывал моей сестре Катрин обо всех темных и наполовину воображаемых подробностях этой таинственной истории, совершенно так, как бы он рассказывал ей драму или новеллу, не имеющую к нему никакого отношения. До сих пор он упорно заявляет, что никогда не позволит жене присутствовать на свадьбе, ни принимать у себя замужнюю сестру. Вчера я убеждала Натали, чтобы она заставила его отказаться от этого нелепого решения, которое вновь приведет в движение все языки города; она же, со своей стороны, ведет себя не очень прямодушно: в присутствии мужа делает вид, что не кланяется с Дантесом и даже не смотрит на него, а когда мужа нет, опять принимается за прежнее кокетство потупленными глазами, нервным замешательством в разговоре, а тот снова, стоя против нее, устремляет к ней долгие взгляды и, кажется, совсем забывает о своей невесте, которая меняется в лице и мучается ревностью. Словом, это какая-то непрестанная комедия, смысл которой никому хорошенько не понятен: вот почему Жуковский так смеялся твоему старанию разгадать его, попивая свой кофе в Бадене.

А пока что бедный Дантес перенес тяжелую болезнь, воспаление в боку, которое его ужасно изменило. Третьего дня он вновь появился у Мещерских, сильно похудевший, бледный и интересный, и был со всеми нами так нежен, как это бывает, когда человек очень взволнован или, быть может,

очень несчастен. На другой день он пришел снова, на этот раз со своей нареченной и, что еще хуже, с Пушкиным; снова начались кривляния ярости и поэтического гнева; мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими, короткими, ироническими, отрывистыми словами и время от времени демоническим смехом. Ах, смею тебя уверить, это было ужасно смешно. Я исполнила твое поручение к жениху и невесте; оба тебя нежно благодарят, а Катрин просит напомнить тебе ваши прошлогодние разговоры на эту тему и сказать, что она напишет тебе, как только будет обвенчана.

Но достаточно, надеюсь, об этом предмете. Для разнообразия скажу тебе, что на днях вышел четвертый том «Современника» и в нем напечатан роман Пушкина «Капитанская дочка», говорят, восхитительный. В прошлую субботу, как я тебе уже писала, мы были на придворном балу; Александр в полной парадной форме был, поистине, необыкновенно хорош; он утверждает, что отлично провел время, так как комната была более просторной и светлой, чем обычно, и там можно было увидеть новые лица. Я танцевала мазурку с нашим другом Скалоном, которому удалось добиться довольно прочного положения в свете и внушить себе легкую, весьма развлекательную страсть к графине Натали Строгановой: он краснеет и бледнеет при ее приближении, плохо спит и

пребывает в мечтах; вот, однако, что значит тщеславие и какое смятение может посеять в сердце бедного офицера генерального штаба знатная дама, выбрав его три раза кряду в мазурке, потому что только в этом кроется вся причина этой страсти, которая не на шутку вредит ему; тебе известно, что от бессонницы еще и глаза краснеют!

Вчера мы с госпожой Пушкиной были на балу у Салтыковых, и я веселилась там больше, чем при дворе; не знаю, почему все с пренебрежением говорят об этих вечерах, считая их простонародными, а между тем все там бывают и танцуют от всего сердца; мое собственное сердце имело удовольствие танцевать долгую мазурку с моим приятелем Моргенштерном, столь же постоянным в своих привязанностях, сколь и я сама; он очень добрый малый и вместе с тем превосходный муж, у жены его вид такой счастливый, что она от этого даже похорошела. Там я познакомилась с молодой графиней Ростопчиной; она далеко не заслуживает своей репутации красавицы; правда, у нее большие черные глаза, но зато кожа у нее тоже черная и притом маслянистая, черты лица крупные, а росту она маленького и незначительного; поэтому я предпочитаю ее мужа с его оживленным лицом, глазами навывкате и вздернутым носом, напоминающим все портреты его отца. <...>

С.Н. КАРАМЗИНА

9(21) января 1837 г. Петербург

<...> завтра, в воскресенье, состоится эта удивительная свадьба, мы увидим ее в католической церкви; Александр и Вольдемар будут шаферами, а Пушкин проиграет несколько пари, потому что он, изволите видеть, бился об заклад, что эта свадьба – один обман и никогда не состоится. Всё это по-прежнему очень странно и необъяснимо; Дантес не мог почувствовать увлечения, и вид у него совсем не влюбленный. Катрин во всяком случае более счастлива, чем он. <...>

С.Н. КАРАМЗИНА

12(24) января 1837 г. Петербург

Письмо твое прелестно, мой дорогой Андрей, при чтении глаза мои увлажнились, а голос дрожал от радостного волнения: так приятно знать, что ты весел, доволен, счастлив, потому что об этом говорит твое письмо, и с такой живостью, с такой силой выражения, что оно заставляет видеть и переживать вместе с тобою всё то, что ты успел увидеть и пережить за столь короткое, но уже столь полное впечатлений время. Так оценивать стиль твоего письма заставляет меня отнюдь не пристрастность сестры и друга: твое письмо пожелали услышать Жуковский, Тургенев, Пушкин, Виельгорский, и они так же оценили его как отражение высокого ума, живого и пылкого воображения. Жуковский всё время по-

вторял: «Прекрасно, нельзя лучше, слог самый чистый, живой, оригинальный, носящий свой собственный отпечаток: он умный и добрый малый! Похвалите его от меня!» <...>

Ну, итак, свадьба Дантеса состоялась в воскресенье, я присутствовала при одевании мадемуазель Гончаровой, но когда эти дамы сказали, что я еду вместе с ними в церковь, ее злая тетка Загряжская устроила мне сцену. Из самых лучших побуждений, как говорят, опасаясь излишнего любопытства, тетка излила на меня всю желчь, накопившуюся у нее за целую неделю от нескромных выражений участия; кажется, что в доме ее боятся, никто не поднял голоса в мою пользу, чтобы по крайней мере сказать, что они сами меня пригласили; я начала было защищаться от этого неожиданного нападения, но в конце концов, чувствуя, что голос мой начинает дрожать и глаза наполняются слезами досады, убежала. Ты согласишься, что, помимо доставленной мне неприятности, я должна была еще испытать большое разочарование: невозможно сделать наблюдения и рассказать тебе о том, как выглядели участники этой таинственной драмы в заключительной сцене эпилога. Александр говорит, что всё прошло наилучшим образом, но ты ведь знаешь, он по природе своей не наблюдателен. На другой день они были у нас; на следующий день, вчера, я была у них. Ничего не может быть красивее, удобнее и очаровательно изящнее их комнат, нельзя представить себе лиц безмятежнее и веселее, чем их лица у

всех троих, потому что отец является совершенно неотъемлемой частью как драмы, так и семейного счастья. Не может быть, чтобы всё это было притворством: для этого понадобилась бы нечеловеческая скрытность, и притом такую игру им пришлось бы вести всю жизнь! – Непонятно <...>

А.Н. КАРАМЗИН

16(22) января 1837 г. Петербург

<...> Неделю тому назад сыграли мы свадьбу барона Эккерна с Гончаровой. Я был шафером Гончаровой. На другой день я у них завтракал. *Lew intérieur élégant* мне очень понравился. Тому 2 дня был у старика Строганова (*le père assis*) свадебный обед с отличными винами. Таким образом кончился сей роман à la Balzac к большой досаде С.-Петербургских сплетников и сплетниц. <...>

С.Н. КАРАМЗИНА

27 января (8 февраля) 1837 г. Петербург

<...> В воскресенье у Катрин было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны (которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества. Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя, – это начинает стано-

виться чем-то большим обыкновенной безнравственности; Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу – по чувству. В общем всё это очень странно, и дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных). Потом там были все милые Россеты и Аркадий, который любит тебя, как брата, – поэтому и я люблю его всё больше с каждым разом, когда мы получаем твои письма, – Тургенев и Вильегорский, который, будучи немного навеселе, говорил, пел и, наконец, стал исполнять китайский танец (ты знаешь, что при дворе устроен китайский балет, и он там состоит главным балетмейстером). В понедельник я была на большом балу в честь принца Карла у Мятлевых: четыреста человек в великолепном зале, где можно было свободно двигаться. Зато вчера, во вторник, то же количество гостей у графини Разумовской в очень маленькой и очень хорошенькой гостиной: мне представляется, что так должны устраиваться балы в Париже. Александр удрал на другой этаж, где он проклинал меня за то, что я осталась на мазурку, потому что он отослал свои сани и не мог уехать, а добрая госпожа Шевич любезно ждала меня до трех часов утра! Впрочем, Александр утешился под конец превосходной ветчиной и тысячью авансов графини Строгановой, с которой он обращается необычайно

дерзко. Вчера я слышала их разговор и содрогалась от его безрассудно-дерзкого бреда; он говорит, сам не зная что, не слушая ее ответов, и всё это с таким уверенным, развязным тоном, что я не понимаю, как она не покажет ему спину. Великая княгиня Елена была тоже на этом балу, она не танцевала, немного беседовала с умными людьми, подобными Баранту, Виельгорскому, Либерману и прочим <...>

Е.А. и С.Н. КАРАМЗИНЫ

30 января (11 февраля) 1837 г. Петербург

Е.А. КАРАМЗИНА

Samedi le 30 janvier 1837. Pétersb<ourg>.

Милый Андрюша, пишу к тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая. Россия потеряла Пушкина! Он дрался в среду на дуэли с Дантезом, и он прострелил его насквозь; Пушкин бессмертный жил два дни, а вчерась, в пятницу, отлетел от нас; я имела горькую сладость проститься с ним в четверг; он сам этого пожелал. Ты можешь вообразить мои чувства в эту минуту, особливо, когда узнаешь, что Арнд с перьвой минуты сказал, что никакой надежды нет! Он протянул мне руку, я ее пожала, и он мне также, и потом махнул, чтобы я вышла. Я, уходя, осенила его издали крестом, он опять мне протянул руку и сказал тихо: «перекрестите еще», тогда я

опять, пожавши еще раз его руку, я уже его перекрестила, прикладывая пальцы на лоб, и приложила руку к щеке: он ее тихонько поцеловал и опять махнул. Он был бледен как полотно, но очень хорош; спокойствие выразилось на его прекрасном лице. Других подробностей не хочу писать, отчего и почему это великое несчастье случилось: они мне противны; Сонюшка тебе их опишет. А мне жаль тебя; я знаю и чувствую, сколько тебя эта весть огорчит; потеря для России, но еще особенно наша; он был жаркий почитатель твоего отца и наш неизменный друг двадцать лет.

Прилагаю к этому письму копию с векселя, посланного Киришбауму: в том случае, если вы его не отыскали, вы предъявите банкиру эту копию, а если она окажется ненужной, ты ее также ему передай. Прощай, мой дорогой Андрей, мой дорогой сын.

Дуэли ужасны! А что они доказывают? Бедного Пушкина нет больше! А через два года никто из оставшихся не будет и думать об этом. Пусть охранит тебя от них небо, и пусть твое доброе сердце и разум тебя от них отдалят! Прижимаю тебя к сердцу, опечаленному и страдающему, жалея тебя, потому что перенесу те же чувства в твое сердце. Благословляю тебя с любовью, поручая тебя милости господней. Я чувствую себя вполне хорошо.

А.А. Козлов. Пушкин на смертном одре

С.Н. КАРАМЗИНА

А я-то так легко говорила тебе об этой горестной драме в прошлую среду, в тот день, даже в тот самый час, когда совершалась ужасная ее развязка! Бедный, бедный Пушкин! Сколько должен был он выстрадать за эти три месяца, с тех пор, как получил гнусное анонимное письмо, – причину, по крайней мере наружную, этого великого несчастья. Сказать тебе, что в точности вызвало дуэль теперь, когда женитьба Дантеса, казалось, сделала ее невозможной, – об этом никто

ничего не знает. Считают, что на балу у Воронцовых, в прошлую субботу, раздражение Пушкина дошло до предела, когда он увидел, что его жена беседовала, смеялась и вальсировала с Дантесом. А эта неосторожная не побоялась встретиться с ним опять, в воскресенье у Мещерских и в понедельник у Вяземских! Уезжая от них, Пушкин сказал тетушке: «Он не знает, что его ожидает дома!» То было письмо Геккерну-отцу, оскорбительное сверх всякой меры, он называл его, отца, старой сводней (тот в самом деле исполнял такую роль), а сына – подлецом, трусом, осмелившимся и после своей женитьбы обращаться вновь к госпоже Пушкиной с казарменными речами и с гнусными объяснениями в любви, и грозил, если этого оскорбления будет недостаточно, оскорбить его публично на балу. Тогда Дантес послал к нему некоего господина д'Аршиака, из французского посольства, своего секунданта, чтобы передать ему вызов; это было во вторник утром, а вечером, на балу у графини Разумовской, я видела Пушкина в последний раз; он был спокоен, смеялся, разговаривал, шутил, он несколько судорожно сжал мне руку, но я не обратила внимания на это.

В среду утром он поехал приглашать в секунданты своего товарища по лицу Данзаса; встретив его на улице, усадил в себе в сани, тут же объяснил в чем дело, и они отправились драться на парголовскую дорогу, близ дачи Одоевских, между четырьмя и пятью часами. Там, говорят, Пушкин проявил

великолепное спокойствие и настойчивость. Дантес стрелял первым и попал ему в середину тела, он упал, а когда тот бросился к нему, чтобы поддержать его, он закричал: «Вернитесь на место, за мной еще выстрел!» Его приподняли и поддерживали; так как первый пистолет выпал из его руки в снег, Данзас подал ему другой; он долго целился; пуля пробила руку Дантеса, но только в мягких частях, и остановилась против желудка – пуговица на сюртуке предохранила его и он получил только легкую контузию в грудь; но в первый момент он зашатался и упал. Тогда Пушкин подбросил свой пистолет в воздух с возгласом: «браво!» Затем, видя, что Дантес поднялся и пошел, он сказал: «А! значит поединок наш не окончен!» Он был окончен, но Пушкин был убежден, что ранен только в бедро. По дороге домой тряска кареты причиняла ему боль во внутренностях. Тогда он сказал Данзасу: «Кажется, это серьезно. Послушай: если Арендт найдет мою рану смертельной, ты мне об этом скажешь! Меня не испугаешь: я жить не хочу!» Приехав домой, он увидел жену и сказал ей: «Как я рад, что еще вижу тебя и могу обнять! Что бы ни случилось, ты ни в чем не виновата и не должна себя упрекать, моя милая!»

Арендт сразу объявил, что рана безнадежна, так как перебиты большая артерия и вены, кровь излилась внутрь и повреждены кишки. Пушкин выслушал этот приговор с невозможным спокойствием и с улыбкой на устах; он причастил-

ся, попросался; он сохранял полное сознание, он наблюдал отчетливо, как угасала его прекрасная жизнь. Он получил от государя полное участия письмо, с советом умереть христианином и быть спокойным за судьбу жены и детей, заботу о которых государь брал на себя. Он немного страдал, он был неизменно ласков со своей бедной женой и за пять минут до смерти сказал врачу: «Что, кажется, жизнь кончается!» Без всякой агонии он закрыл глаза, и ничто не может быть прекраснее его лица после смерти: чело ясное, задумчивое, словно вдохновенное, и улыбающийся рот. Я никогда не видала такого чистого, такого утешительного и такого поэтического мертвого лица. Его несчастная жена в ужасном состоянии и почти невменяема, да это и понятно. Страшно об ней подумать. Прощай, мой дорогой Андрей, обнимаю тебя очень нежно.

Софи

Е.А. КАРАМЗИНА

1(13) февраля 1837 г. Петербург

Добрый вечер, мой дорогой друг, я пишу тебе наскоро эти строки, а гостиная моя полна народу <...> Записку мою Тургенев передаст д'Аршиаку, которого отсылают в качестве курьера после этой злополучной истории с несчастным Пушкиным; если ты с ним где-нибудь встретишься, то сможешь узнать подробности об этом роковом поединке. Он тебе при-

везет также маленький томик – новое издание «Онегина», по-моему, очень изящное, которое сейчас, я думаю, доставит тебе удовольствие. С почтой, отправляющейся в среду, я тебе напишу побольше и пошлю денег. <...>

Е.А. и С.Н. КАРАМЗИНЫ

2(14) февраля 1837 г. Петербург

Е.А. КАРАМЗИНА

Здравствуй, мой милый, дорогой Андрей, вчера вечером я нацарапала тебе, бог знает как, несколько строк, чтобы успеть отослать их, вместе с томиком «Онегина», с д'Аршиаком, который, должно быть, уехал сегодня утром; Тургенев, взявшийся отнести пакет, ужасно меня торопил.<...>

Вчера состоялось отпевание бедного, дорогого Пушкина; его смертные останки повезут в монастырь около их псковского имения, где погребены все Ганнибалы: он хотел непременно лежать там же. Государь вел себя по отношению к нему и ко всему его семейству, как ангел. После истории со своей первой дуэлью П<ушкин> обещал государю больше не драться ни под каким предлогом, и теперь, когда он был смертельно ранен, он послал доброго Жуков<ского> просить прощения у гос<ударя> в том, что он не сдержал слова, и государь написал ему карандашом записку в таких выражениях: «Если судьба нас уже более в сем мире не сведет, то прими

мое последнее и совершенное прощение и последний совет: умереть христианином! Что касается до жены и детей твоих, то можешь быть спокоен, я беру на себя устроить их судьбу». Когда Василий Андреевич Жуковский просил государя во второй раз быть секретарем его для Пушкина, как он был для Карамзина, государь призвал Василия Андреевича и сказал ему: «Послушай, братец, я всё сделаю для Пушкина, что могу, но писать как к Карамзину не стану; Пушкина мы насило заставили умереть, как христианина, а Карамзин жил и умер, как ангел». Что может быть справедливее, тоньше, благороднее по мысли и по чувству, чем та своего рода ступень, которую он поставил между этими двумя лицами? Мне хотелось самой сообщить тебе все эти подробности, хотя я и боюсь, что не сумела сделать это так хорошо, как Софи, но сердце мое было ими переполнено <...>

С.Н. КАРАМЗИНА

О да, мой милый Андрей, письмо твое интереснее, чем когда-либо, и, вообрази, чтобы прочесть его, мне пришлось ждать следующего дня, так много было у нас целый день в воскресенье народу, а вечером мы ходили на панихиду по нашему бедном Пушкине. Трогательно было видеть толпу, которая стремилась поклониться его телу. В этот день, говорят, там перебивалось более двадцати тысяч человек: чиновники, офицеры, купцы, все с благоговейном молчании, с умилением

ем, особенно отрадным для его друзей. Один из этих никому не известных людей сказал Россету: «Видите ли, Пушкин ошибался, когда думал, что потерял свою народность: она вся тут, но он ее искал не там, где сердца ему отвечали». Другой, старик, порастил Жуковского глубоким вниманием, с которым он долго смотрел на лицо Пушкина, уже сильно изменившееся, он даже сел напротив и просидел неподвижно четверть часа, а слезы текли у него по лицу, потом он встал и пошел к выходу; Жуковский послал за ним, чтобы узнать его имя. «Зачем вам, – ответил он, – Пушкин меня не знал, и я его не видал никогда, но мне грустно за славу России». И вообще это второе общество проявляет столько увлечения, столько сожаления, столько сочувствия, что душа Пушкина должна радоваться, если только хоть какой-нибудь отзвук земной жизни доходит туда, где он сейчас; среди молодежи этого второго общества подымается даже волна возмущения против его убийцы, раздаются угрозы и крики негодования; между тем в нашем обществе у Дантеса находится немало защитников, а у Пушкина – и это куда хуже и непонятней – немало злобных обвинителей. Их отнюдь не смягчили адские страдания, которые в течение трех месяцев терзали его пламенную душу, к несчастью, слишком чувствительную к обидам этого презренного света, и за которые он отомстил в конце концов лишь самому себе: умереть в тридцать семь лет, и с таким трогательным, с таким прекрасным спокойствием! Я рада, что Дантес совсем не по-

страдал и что раз уже Пушкину суждено было стать жертвой, он стал жертвой единственной: ему выпала самая прекрасная роль, и те, кто осмеливаются теперь на него нападать, сильно походят на палачей.

В субботу вечером я видела несчастную Натали; не могу передать тебе, какое раздирающее душу впечатление она на меня произвела: настоящий призрак, и при этом взгляд ее блуждал, а выражение лица было столь невыразимо жалкое, что на нее невозможно было смотреть без сердечной боли. Она тотчас же меня спросила: «Вы видели лицо моего мужа сразу после смерти? У него было такое безмятежное выражение, лоб его был так спокоен, а улыбка такая добрая! – не правда ли, это было выражение счастья, удовлетворенности? Он увидел, что там хорошо». Потом она стала судорожно рыдать, вся содрогаясь при этом. Бедное, жалкое творенье! И как хороша даже в таком состоянии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.